

УДК. 340.13(045)

*А.Ю. Цыганков***ПРИМЕНЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНО ЛИМИТИРОВАННОГО ЗАКОНА ПРИ ДЕЙСТВИЯХ В ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (УСЛОВИЯХ)**

В статье рассматривается вопрос законодательных ситуаций, создание которых связано с введением временных законов, возможность легитимации которых выражается в наличии определенного набора законодательных инициатив, способных обеспечивать реализацию необходимых организационных процедур на момент введения особого правового положения, таких как чрезвычайное, военное и иных, чье возникновение связано с неординарными или чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказываются государство и общество. В исследовании методологической доминантой является динамическое сочетание системного и аналитического методов, на методологической периферии находятся диахронический и компаративный методы. Актуальность исследования обусловлена тем, что в текущей правовой ситуации в Российской Федерации назрел существенный вопрос о применении законодательных мер, призванных обеспечивать успешную реализацию необходимых специальных мероприятий чрезвычайного характера, в частности обеспечение безопасности и поддержание общественного порядка, являющихся важными условиями правового обеспечения функционирования государственных органов и их структур в период особого положения. В статье проанализировано понятие временного закона; прослежена история бытования временных законов в разных правовых системах; сформулированы предложения по регламентированию порядка применения временных законов в правовой системе Российской Федерации. Временное законодательство рассматривается в связи с понятием чрезвычайной ситуации, чем и обосновывается темпоральное лимитирование данной части законодательства, вводимого *ad hoc*; главным вопросом, на разрешение которого направлена статья, является возможность и способы встраивания временного законодательства в перманентное.

Ключевые слова: временные законы, срок истечения действия, временная юридическая сила, временный статус, временные меры, чрезвычайное положение, особое правовое положение.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-1090-1096

Актуальность исследования проблем временного законодательства обуславливается тем, что на практике темпорально лимитированные законы являются исключительной мерой, при том, что их применение достаточно неактивно как в России, так и за рубежом: в странах с экспериментальным политическим курсом или тех странах, чье право традиционно основывается на прецедентном принципе, например, США и Великобритания. Практика создания временных законов не обрела активного применения, и временных законов как таковых или законов, содержащих в себе положения временного действия, на сегодняшний момент мало.

Для дальнейшего предметного рассмотрения вопроса временных законов важно сформулировать его определение. Временное законодательство или законодательство с истечением срока действия – это законы, срок действия которых ограничен на момент принятия. Временные законы часто используются для адаптации к необычным или специфическим ситуациям. Положения, ограничивающие срок действия таких законов, часто называют положениями об истечении срока действия¹.

Временным законам обычно придается временная юридическая сила путем включения даты истечения срока действия, по истечении которого закон перестает действовать, если не будет продлен. Но закон также может приобрести временный статус при включении в него оговорок, что он применяется только к определенному событию: например, закон может действовать только до следующих выборов или в отношении конкретной категории лиц, например, жертв катастрофы.

Временные законы часто легче принять, нежели постоянные, поскольку они действуют в течение более короткого времени².

В зарубежном законодательстве имеются законы, чье действие носило временный характер. Таковым является «Закон об объединении и укреплении Америки путем предоставления надлежащих инструментов, необходимых для пресечения терроризма» от 2001 г., известный также как «Патриотический закон».

¹ Инс., Юридический отдел США. «Временный закон о статуях и юридическое определение». [Электронный ресурс]: definitions.uslegal.com (дата обращения: 25.12.2022).

² «Закон и ограничения правительства: временное и постоянное законодательство». ССРН 2159549.

тический акт»³. Был принят после терактов 11 сентября и атак сибирской язвы 2001 года с заявленной целью значительного ужесточения национальной безопасности США, особенно в том, что касается иностранного терроризма. Он содержит множество положений об истечении срока действия, начиная с 31 декабря 2005 г., примерно через четыре года после его принятия. Перед датой истечения действия закона было принято продление на четыре года, в результате чего большая часть закона осталась нетронутой и не реализованной.

В отечественной практике истоками временного законодательства служат времена Древней Руси. Термин «закон» в Древнерусском государстве не был достаточно устойчивым и первоначально, наряду с другими («пошлина», «старина»), обозначал обычай. «Слово «закон», как и слово «покон», означая одинаково обычай, происходит от слова «кон», которое значит начало, а вместе с тем предел, границу и некоторое определенное место в известных границах...»⁴.

С точки зрения В.Г. Графского, слово «закон» имело в большей степени значение морально-нравственное, чем узкополитическое, и такое понимание закона вполне уживалось с догосударственным общественным бытом, основанным на традиции и обычном праве⁵.

Законы, принимаемые удельными правителями, имели, как правило, ограниченный пространственный спектр действия, будучи напрямую зависимы от территории того или иного княжества или просто от воли определенного удельного правителя. Тем не менее один из основных принципов действия уголовного закона в пространстве – принцип земли, был уже известен нашим предкам в достаточной степени⁶.

В истории же российского законодательства имперского периода существовали т. н. «Майские правила», принятые в России в 1882 году.⁷ Они представляли из себя временные положения о еврейском населении Российской Империи, предложенные министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым и введенные в действие 15 мая (3 мая по старому стилю) 1882 года российским императором Александром III. Первоначально постановления от мая 1882 года предназначались только как временные меры до будущего пересмотра законов, касающихся евреев, но оставались в силе более тридцати лет.

Другим крупным прецедентом употребления временного законодательства в отечественном государственно-правовом строительстве является образование Временного Правительства в межреволюционный период в 1917 году. Не только законы, но сам институт власти имел временный характер, чье существование в принятом на тот момент виде подразумевалось лишь до проведения Учредительного Собрания и утверждения на нем таких важнейших аспектов для существования страны и общества, как государственного устройства, формы правления, конституции и выборов нового главы государства, а до того момента многие ключевые законопроекты и проекты государственного строительства оставались лишь на уровне замыслов и предварительных проектов. Например, касательно государственного устройства существовал «предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации)»⁸. Осуществляя непосредственное управление государством в период назревания новых революционных потрясений и усиления влияния большевистских структур, Вре-

³ Закон 2001 года «Об объединении и укреплении Америки путем предоставления соответствующих инструментов, необходимых для пресечения терроризма и противодействия терроризму [Электронный ресурс]: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.38059dec-6397a17f-75a1182e-74722d776562/https/www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3162 (дата обращения: 25.12.2022.)

⁴ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / ред. и предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 448 с.

⁵ Графский В.Г. Представления о власти и законе в средневековой Руси: Римско-Византийские влияния // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: IX Междунар. семинар ист. исследований «От Рима к третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М.: Институт российской истории РАН, 1995. С. 120–136.

⁶ Георгиевский Э.В. О формировании некоторых пространственно-временных принципов действия закона в церковно-уголовном праве Древней и Средневековой Руси // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 28-29 сентября 2010 г.. М.: Проспект, 2010. С. 76–78.

⁷ Временные правила 3 мая 1882 года // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, СПб., 1908–1913. С. 502.

⁸ Токарева Д.В. Конституционное законодательство и проект Основного Закона Временного Правительства. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–2 (37). С. 4.

менное Правительство регулировало внутрисоветскую ситуацию принятием разного рода чрезвычайных законов, чье действие предполагалось лишь до созыва Учредительного Собрания, из-за чего имели выраженный временный характер.

В настоящее время в российском законодательстве существует Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении», который включает в себя статьи о временных ограничениях, вводимых в период действия чрезвычайного положения: ст. 11 «Меры и временные ограничения, применяемые при введении чрезвычайного положения», ст. 12 «Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения, введенного при наличии обстоятельств, указанных в пункте «а» статьи 3 настоящего Федерального конституционного закона», ст. 13 «Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения, введенного при наличии обстоятельств, указанных в пункте «б» статьи 3 настоящего Федерального конституционного закона» и иные статьи, указывающие на наличие временных мер, вводимых на период действия особого правового положения. Вместе с ним существует Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении», вступающий в силу одновременно с введением военного положения на территории государства или отдельных его районов, предполагая временные меры, осуществляемые лишь на период военного положения⁹.

Когда вооружённые силы Российской Федерации приступили к осуществлению специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, никакого особого правового положения на территории государства введено не было. Однако, в связи с отдельными прецедентами нарушения общественного порядка, такими как антивоенные демонстрации или распространение заведомо ложной информации в пространстве сети «Интернет», Государственная Дума и Совет Федерации 4 марта 2022 года внесли серию поправок в Уголовный Кодекс РФ, которыми вводится уголовная ответственность для россиян за распространение «заведомо ложной информации» («фейков») о российской армии, за антивоенные действия и призывы, а также призывы к введению санкций против России.

Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» были введены ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых сил РФ», ст. 280 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Данные статьи налагают уголовную ответственность на лиц, осуществляющих дезинформацию в средствах массовой информации или сетевых источниках и иные действия, направленные на введение в заблуждение граждан и организацию общественных беспорядков.

Здесь встает вопрос о выверенной проработке законов об истечении срока действия [2]. Нынешние правки, несмотря на обобщенный характер их формулировок, были введены в связи с распространением заведомо ложной информации именно в период проведения специальной военной операции на Украине и предполагают пресечение противоправных действий, связанных с нею. Лица, на которых налагается ответственность за нарушение данных статей, распространяют заведомо ложную информацию («фейки») в отношении действий ВС РФ и иных её вооружённых формирований, таких как войска национальной гвардии, и потому их вина связана с происходящими в этот период времени событиями.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, как эти положения будут регулироваться, когда период проведения специальной военной операции на Украине будет завершен. Встает вопрос о том, что необходимо конкретизировать формулировки положений об ответственности лиц, связанных с распространением ложной информации, и определить границы, до которых будет распространяться действие статей, направленных против дезинформации. Необходимо определить ответственность данных лиц за совершенные ими нарушения, если они по разным причинам не понесли ее в период проведения специальной военной операции, и притом их планируется привлечь к ответственности, уже когда боевые действия ВС РФ будут прекращены.

Потому и зарождается мысль о необходимости внесения конкретизирующих редакций в положения УК РФ и определения правовых нюансов ответственности нарушителей, чьи действия не были

⁹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении».

отмечены в период боевых действий и которых решено привлечь к ответственности после. В частности, конкретизация положений касается возможности внедрения временных мер в уголовное законодательство Российской Федерации в связи с теми или иными мероприятиями, проводимыми ВС РФ и её иными вооружёнными формированиями, задания строгой формулировки примеров отдельных ситуаций, проработки механизмов уголовного воздействия.

Другим важным предложением является расширение ответственности юридических лиц, распространяющих ложную информацию. Это предполагает введение в УК РФ конкретных мер по привлечению к уголовной ответственности юридических лиц, осуществляющих или допускающих в подведомственных им структурах, включая информационные источники в сети «Интернет», распространение заведомо ложной информации. Подобная мера должна осуществляться с учетом ранее изложенных предложений по конкретизации ситуативного положения совершенных деяний.

Уголовным законом предусмотрено такое понятие, как клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, что раскрыто в ст. 128.1 УК РФ и наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательными работами на срок до ста шестидесяти часов¹⁰.

Так, за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публичном произведении или средствах массовой информации, установлена ответственность в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов¹¹.

При этом в статьях об ответственности лиц за распространение заведомо ложной информации о вооружённых силах РФ не имеется положений об ответственности юридических лиц. Указанные там меры уголовного воздействия предполагают наказания, которые возможно произвести в отношении физических лиц, например, лишение свободы, но при этом не раскрыт вопрос ответственности организаций, которые так же могут быть замешаны в совершении преступного деяния по указанным статьям Уголовного Кодекса.

Поскольку юридические лица несут ответственность за клевету, порочащую честь и достоинство, необходимо расширить эту ответственность, инкорпорируя положения о клевете в статьи УК РФ, связанные с распространением ложной информации в отношении ВС РФ, установив, что это может быть клеветой в их отношении, и тем самым данные лица могут быть привлечены к ответственности по ст. 207.3, ст. 280.

Меры, по которым могут быть привлечены к уголовной ответственности иностранные или российские юридические лица за призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и её граждан, предусмотрены в ст. 284 УК РФ и указывают наказание штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного на срок до трех лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет с штрафом в размере двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо без такового¹².

Тем не менее, понятие мер ограничительного характера узко и не отражает всех преступлений, связанных с проводимой специальной военной операцией на Украине, из-за чего и возникает необходимость предусмотреть отдельно уголовную ответственность юридических лиц в каждой из рассмотренных статей УК РФ, в которые были внесены изменения, направленные на борьбу с распространением заведомо ложной информации о вооружённых силах РФ и событиях, связанных с этим периодом.

После рассмотрения понятия временного законодательства, его актуальности в наше время и событий, в которых мы можем наблюдать введение различных мер ответственности, связанных с ними, мы можем сделать вывод о том, что события, требующие индивидуального подхода законодателей в их регулировании и противодействии общественно опасным деяниям, действительно имеют место быть,

¹⁰ Рарог А.И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. С. 145.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2021 года. Ст. Москва: Эксмо, 2021. ст. 461 (Актуальное законодательство).

¹² Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

как и случаи, когда вводятся ограничительные меры, призванные взять под контроль ту непростую, особенную правовую ситуацию, возникающую в такие периоды. В частности, здесь стоит понимать и то, что границы преступного поведения в таких случаях очерчиваются одновременно нормами уголовного законодательства и иных, не уголовных законов и даже подзаконных актов, на которые присутствуют или подразумеваются ссылки в соответствующих статьях УК РФ. Так, для составов преступлений, например, террористической направленности, одними из ключевых являются понятия «террористическая деятельность» и «терроризм», имеющие специфический бланкетный характер¹³.

Важно рассмотреть вопрос подобных ограничительных мер на период возникновения особых обстоятельств, которые характеризуются осуществлением в этих условиях преступлений преходящего характера, то есть возникающих именно в обстоятельствах конкретной ситуации, в которой оказывается государство и общество, как правило, происходящих именно на протяжении данного временного периода, а также проработать в связи с этим конкретное условие их действия, а именно срок. Стоит понимать, что те или иные особенные ситуации, которые возникают как в масштабе международного сообщества, так и отдельно взятой страны, никогда не имеют постоянного характера. Так, к примеру, доктор права Антониос Курутакис, рассуждая о мерах, принятых в Британии в 2008 году для противодействия экономическому кризису, отмечает: «...правительство приняло Банковский (Особое Постановление) Акт. Он сообщал исполнительной власти обширные полномочия, включая власть национализировать банки посредством вторичного законодательства, однако эти полномочия были ограничены годовым сроком временного законодательного акта»¹⁴. Мы видим, что полномочия, данные этим актом исполнительной власти, выходят далеко за пределы ординарного правоприменения, однако отвечают притом одному из базовых принципов римского права, сформулированного Цицероном в следующем виде: благо народа да будет высшим законом.¹⁵

Очевидно, в контексте правовой системы подобная мера была бы невозможной вне рамок временного законодательства, поскольку идет вразрез с базовыми принципами ординарного права.

Возвращаясь к вопросу о доработке российского чрезвычайного законодательства, необходимо отметить, что если упустить из виду недоработанные элементы законов, которые были введены именно с целью регулировать чрезвычайные ситуации, не поддающиеся регламентации в рамках постоянного законодательства, и если допустить отсутствие их повторной проработки по истечении нужды в данных временных мерах, то может возникнуть хронологическая правовая коллизия, при которой законы, сами по себе не подразумевающие обратной силы, обретают ее. Это может привести к привлечению к ответственности по неактуальным проблемам, то есть возникает риск возможности неправомерного уголовного воздействия [3]. Чтобы этого избежать, необходимо взять во внимание проблему временного законодательства самого по себе и придать ей конкретность, определив в формулировках самих законов конкретные сроки или же обстоятельства их действия, с прекращением которых прекращают свое действие и ограничительные меры, вводившиеся силой данных законов в связи с оговоренными событиями.

Какой вид подобные ограничения могут принять применительно к временному законодательству в период специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины? На наш взгляд, здесь возможны два варианта решения сложившейся ситуации сегодняшнего дня.

Первым вариантом является постепенная пролонгация указанных временных законодательных актов: иными словами, привязка действия законодательного акта к определенному временному периоду, отмеченному в данном акте. Тем не менее, данное решение представляется несколько неловким, поскольку требует к подобным законодательным актам весьма пристального внимания: законодатели вынуждены периодически их обновлять и могут упустить из внимания подошедший срок истечения действия подобного акта, что может серьезно сказаться на государственном либо общественном порядке.

¹³ Решняк М.Г. Преступления террористической направленности: проблемы бланкетности уголовно-правовых норм // Современное право. 2020. № 8. С. 80–84.

¹⁴ Курутакис Антониос. Оговорки о закате: исторический, позитивный и нормативный анализ: диссертация представлена на соискание степени доктора философии в области права. Вустерский колледж, февраль 2014. С. 139.

¹⁵ Избранные сочинения: Пер. с латин. / Марк Тулий Цицерон, М. Л. Гаспаров ; [Сост. и редакция М. Гаспарова, О. Ошерова, В. Смирнина]; [Вступ. статья Г. Кнабе. с. 5-32] ; [Коммент. М. Гаспарова и др.]. Москва : Худож. лит., 1975. С. 454.

Во втором же варианте представляется возможным включение в тексты временных законов темпорально лимитирующей формулы на примере законов, касающихся проведения СВО: «в период проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины». В этом случае действие временного закона напрямую привязывается к срокам проведения СВО, так что в силу данной корреляции действие этих законов прервется автоматически, когда будет издан правовой акт об окончании специальной военной операции. Подобное решение проблемы отвечает правовому принципу, существующему еще со времен римского права: принятое ко времени, рассматривается по его истечении как отмененное, что в совершенстве отвечает задачам, разрешить которые временное законодательство и призвано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Временные правила 3 мая 1882 года // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, СПб., 1908–1913. С. 502.
2. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / ред. и предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 448 с.
3. Токарева Д.В. Конституционное законотворчество и проект Основного Закона Временного Правительства. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–2 (37). С. 4.
4. Графский В.Г. Представления о власти и законе в средневековой Руси: Римско-Византийские влияния // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика : IX Междунар. семинар ист. исследований «От Рима к третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М.: Институт российской истории РАН, 1995. С. 120–136.
5. Георгиевский Э.В. О формировании некоторых пространственно-временных принципов действия закона в церковно-уголовном праве Древней и Средневековой Руси // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 28–29 сентября 2010 г. М.: Проспект, 2010. С. 76–78.
6. Рарог А.И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. С. 145.
7. Комментарий к уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов [и др.]. М.: Проспект, 2021. 792 с. ISBN 978-5-392-34088-0
8. Курутакис Антониос. Оговорки о закате: исторический, позитивный и нормативный анализ: диссертация представлена на соискание степени доктора философии в области права. Вустерский колледж, февраль 2014. С. 139.
9. Избранные сочинения: Пер. с латин. / Марк Тулий Цицерон, М.Л. Гаспаров; [Сост. и редакция М. Гаспарова, О. Ошерова, В. Смирнова]; [Вступ. статья Г. Кнабе. с. 5-32]; [Коммент. М. Гаспарова и др.]. Москва : Худож. лит., 1975. С. 454.
10. Решняк М.Г. Преступления террористической направленности: проблемы бланкетности уголовно-правовых норм // Современное право. 2020. № 8. С. 80–84.
11. Александров А.С., Борзина Е., Цыганков А.Ю. Саботаж в современной России как фактор, влияющий на безопасность государства // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1(36). С. 24–29.

Поступила в редакцию 13.01.2023

Цыганков Александр Юрьевич, кандидат юридических наук,
доцент департамента правового регулирования экономической деятельности
ФГБОУ ВО «Финансовый Университет при Правительстве РФ»
125167, Россия, г. Москва, ул. Щербаковская, 38
E-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru

A.Yu. Tsygankov

**APPLICATION OF TEMPORALLY LIMITED LAW WHEN ACTING
IN SPECIAL LEGAL CIRCUMSTANCES (CONDITIONS)**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-1090-1096

This article examines the issue of legislative situations, the creation of which is associated with the introduction of temporary laws, the possibility of legitimation of which is expressed in the presence of a certain set of legislative initiatives that can ensure the implementation of the necessary organizational procedures at the time of the introduction of a special legal situation, such as emergency, military and others, whose occurrence associated with extraordinary or emergency circumstances in which the state and society find themselves. In the study, the methodological dominant is the dynamic combination of systemic and analytical methods; diachronic and comparative methods are on the methodological periphery. The relevance of the study is due to the fact that in the current legal situation in the Russian Federation, a significant issue has arisen regarding the application of legislative measures designed to ensure the successful implementation of the necessary special measures of an emergency nature, in particular ensuring security and maintaining public order, which are important conditions for the legal support of the functioning of state bodies and their structures during a period of special situation. The article analyzes the concept of temporary law; the history of the existence of temporary laws in different legal systems is traced; proposals are formulated to regulate the procedure for applying temporary laws in the legal system of the Russian Federation. Temporary legislation is considered in connection with the concept of an emergency situation, which justifies the temporal limitation of this part of the legislation introduced ad hoc. The main issue that the article is aimed at is the possibility and methods of integrating temporary legislation into permanent legislation.

Keywords: temporary laws, expiry date, temporary legal force, temporary status, temporary measures, state of emergency, special legal situation.

Received 13.01.2023

Tsygankov A.Yu., Candidate of Law, Associate Professor
at Department of Legal Regulation of Economic Activity
Financial University under the Government of the Russian Federation
Shcherbakovskaya st., 38, Moscow, Russia, 115432
E-mail: tsygan.alexandr2017@yandex.ru